

- Хм? - Гу Сяошань внезапно почувствовал, как вся его спина покрылась холодным потом. Причем это не имело к Жэньцзы ни малейшего отношения. - Что... что здесь происходит?

Старший господин Юй отодвинул стул и, приземлившись на него, знаком попросил Юй Юньтао тоже присаживаться, а затем улыбнулся:

- Ничего особенного. Просто наш Юньтао хотел принести тебе свои извинения!

- А? - Гу Сяошань уже пребывал в невероятной растерянности, но все равно продолжал удерживать на лице вежливую улыбку. - Кто и за что извиняется? Мы с президентом Гу ни на кого не в обиде!

Выражение лица Юй Юньтао стало очень суровым:

- Как ты можешь врать перед старшим? Когда у нас с тобой были хорошие отношения?

- Эм... - Гу Сяошаню всегда казалось, что действия Юй Юньтао и логика несовместимы, поэтому ему оставалось лишь согласиться. - Ты прав.

Юй Юньтао уселся за стол:

- Дело было так: я рассказал отцу о том случае, когда прилетел к тебе в офис и едва пинком не снес тебе голову, когда у меня возникло некое недопонимание касательно тебя и Чжи Сюаня.

Гу Сяошань чувствовал себя ужасно неловко, но все-таки махнул рукой, показывая, что это не важно:

- Все в порядке! Я тоже, причем не раз, ударил тебя по голове!

Старший господин Юй пару раз сухо покашлял, затем сурово поправил его:

- Голова не для этого предназначена.

- Да-да, - Гу Сяошань поверил, что они привели его сюда из-за этого, и сказал: - Все в порядке, не нужно никаких извинений.

- Но я должен извиниться перед тобой, - Юй Юньтао взял стоявший на столе изящно изготовленный кувшин и налил в изысканную чашку немного ликера. Передав ее Гу Сяошаню, он налил половину этого количества ликера себе:

- Выпьем, твое здоровье!

Чашки и кувшин были изысканным набором без ручек. В чашки помещалось совсем немного жидкости. Гу Сяошань не заметил здесь никакого подвоха и спокойно выпил ее до дна.

Следом заговорил старший господин Юй:

- Ах, я так плохо воспитал своего сына! Я тоже пью за тебя!

Старший господин Юй, в свою очередь, налил чашку Гу Сяошаню, и тот также выпил ее.

В следующий момент снова заговорил Юй Юньтао:

- Кстати, ты в курсе, что у Жэньцзы последние пару дней болел желудок?

Гу Сяошань слегка опешил:

- Я правда не знал...

Говоря, Юй Юньтао не забывал наполнять чашку Гу Сяошаня:

- Он действительно нечто. Он самостоятельно изготовил вино, а закончилась история тем, что он отравился! Что это вообще за уровень навыков?

Гу Сяошань рассмеялся за компанию с ним:

- Наверное, тот же самый, что и когда он играет за ведьму в <Убийце Оборотня>!

Все дружно рассмеялись.

Юй Юньтао использовал все возможные уловки из своего справочника, чтобы на максимуме способностей поддерживать разговор. Хотя старший господин Юй уже давненько не посещал встреч за выпивкой, он по-прежнему держался бодрячком и душевно вступил в это сражение чашек, принеся с собой новое веяние. Даже если в глубине души Гу Сяошань чувствовал, что что-то было не так, ради собственной репутации он просто не мог взять и уйти. К тому же чашка была очень маленькой, и пил он понемногу, что и притупило его бдительность.

О чем он понятия не имел, так это о том, что в этот графин можно было налить два вида алкоголя. Отец и сын семьи Юй пили обычное вино, а Гу Сяошань - специально приготовленное. Оно обладало уникальным вкусом и пилось очень легко, но последующее опьянение было куда сильнее. Всего трех чашек хватало, чтобы опохмелить человека, это было давно утраченное, легендарное "Сражение с Тигром Этой Ночью".

В середине посиделок за выпивкой к ним присоединился Жэньцзы. Он опоздал, поскольку хотел как следует одеться, прежде чем спуститься и предстать перед глазами возлюбленного. Однако, спустившись, он обнаружил, что к этому времени его возлюбленный был уже практически в зюю пьян. Заметив Жэньцзы, Юй Юньтао схватил его в охапку и тоже заставил усесться за стол:

- Ты как раз вовремя, мы уже на середине пути. Ты только что поправился, поэтому выпей чуть-чуть, этого будет вполне достаточно.

Жэньцзы едва успел выздороветь, отчего его устойчивость к алкоголю была далеко не лучшей. Он тоже вырубился всего после двух чашек "Сражения с Тигром Этой Ночью".

Победу всегда одерживал опыт. Хотя Гу Сяошань и являлся тем еще хитрецом, благодаря пониженной бдительности, его с легкостью вырубил эта парочка заговорщиков из отца и сына.

- Что дальше? - спросил Юй Юньтао.

- Тащи его наверх! - командовал старший господин Юй.

Пьяные всегда были в особенности тяжелыми, а Гу Сяошань к тому же был высоким, широкоплечим мужчиной, который старательно поддерживал себя в форме. Для Юй Юньтао оказалось довольно сложно его поднять, отчего он постоянно бросал на старшего господина Юй взгляды, в которых черным по белому была написана просьба о помощи. Вот только старшего господина Юй это не волновало:

- Я уже очень старый, у меня остеопороз. И ты все равно хочешь, чтобы я тебе с этим помог?

Юй Юньтао оставалось только призвать на помощь дворецкого. Когда дворецкий понял, что от него требуется, он беспомощно развел руками:

- Я тоже уже стар для подобных вещей.

Юй Юньтао был в бешенстве, но другого выбора у него не было. Было бы не лучшим решением звать на помощь других людей, вроде охранников, превращая их в соучастников, поэтому ему пришлось на своем горбу тащить Гу Сяошаня в спальню Жэньцзы. Заноса его в комнату, Юй Юньтао уже был на последнем издыхании.

- И как только мне пришла в голову настолько глупая идея?

Старший господин Юй кивнул:

- Мне тоже очень неловко. Но другого выбора у нас нет. Не можем же мы просто сидеть и смотреть, как Жэньцзы сходит с ума.

- Захват желтого цыпленка, это ведь не законно, я прав? - спросил Юй Юньтао.

Потому что лапы у петухов были темно-желтого цвета, их называли "желтоногими цыплятами". В прошлом, когда люди из Гуандуна хотели захватить петуха, они ловили его на курицу, заманивая в ловушку похоти. Не соблюдавшие закон люди подстроили этот метод для применения на людях. Заманивая мужчин в неприличные отношения, они шантажировали их, требуя денег. В Тайвани этот метод получил известность под названием "барсучья игра".

Старший господин Юй не согласился:

- Это нельзя считать захватом желтого цыпленка! Мы не собираемся вымогать у мальчишки Гу деньги, мы всего лишь хотим забрать остаток его жизни! Взгляни, наш Жэньцзы тоже попался в эту ловушку!

Юй Юньтао показалось, что слова отца прозвучали очень разумно, но указал на еще одно опасение:

- Я боюсь, как бы Гу Сяошань не разгадал наш план и не возненавидел нас за это! Что будет, если все обернется плохо?

- Если он и правда рассердится, то нам просто нужно будет оставить ему лазейку и его отпустить, - ответил старший господин Юй. - В конце концов, мы же с тобой не какие-нибудь преступники, нарушающие закон! Если придется, мы попросим дворецкого прийти и все разрулить, он в таких делах очень хорош. Мы еще раз перед ним извинимся, и я даже готов, отбросив собственное достоинство, слезно попросить у него прощения за случившуюся ошибку, которая привела к недоразумению. Он не сможет мне ничего высказать, вместо этого ему придется меня утешать. Этим культурных людей больше всего пугает такое бесстыдство!

Слова старшего господина Юй застали Юй Юньтао врасплох. Он невольно подумал, как всем повезло, что старший господин Юй занимался уважаемым бизнесом, в противном случае в обществе появился бы еще один беспринципный тиран. Он правда не понимал, как старшему господину Юй с его-то поведением хватало совести без малейшего намека на смущение колотить Жэньцзы, внушая тому, что он должен быть "честным и порядочным человеком".

Старший господин Юй же поступал так потому, что человеку, который хотел разбогатеть, было очень сложно удерживаться в рамках закона. Поддержание этого равновесия было весьма непростым делом. И если человеку для этого не доставало ума, ему стоило просто оставаться честным, в мире и спокойствии проводя свои дни.

Старший господин Юй не смел высказывать свое мнение касательно воспитания детей, но на

самом деле он считал, что ему удалось воплотить в жизнь самый важный принцип своего метода воспитания. Воспитанный им лично сын пусть и не стал шибко умным или сообразительным, зато вырос по-настоящему честным человеком.

Однако считать Гу Сяошаня "честным человеком" было нельзя, и его невозможно было бы запугать какой-то там барсучьей игрой. Старшему господину Юй оставалось только молиться, чтобы все прошло хорошо.

Проснувшись, Гу Сяошань во всей красе ощутил похмелье, а еще онемение в ногах, как будто на них долгое время лежало что-то тяжелое. Протянув руку, чтобы спихнуть это нечто, он испытал потрясение, почувствовав под рукой гладкую кожу. Встревоженный Гу Сяошань мигом проснулся и сразу же увидел гладкую, сияющую ногу, торчавшую из-под одеяла у него на бедре.

Гу Сяошань уселся в постели, но сразу почувствовал головокружение. Вышитые фиолетово-красными и темно-зелеными узорами занавески были наполовину задернуты. Благодаря пробивавшимся сквозь них лучам солнца они казались еще более яркими и, можно сказать, были ему прекрасно знакомы. Эти занавески он привез Жэньцзы из Индии, они шли в наборе с его ковром.

Затем...

В свете, которому не помешали даже занавески, Гу Сяошань, прищурившись, принялся изучать обстановку комнаты, чувствуя витавший в воздухе знакомый аромат, - это, черт побери, была комната Жэньцзы!

Его сердцебиение внезапно ускорилося, и он опустил глаза на смятое одеяло, лежавшее рядом с ним, - его тоже купил Гу Сяошань. Из него высовывалась голова с растрепанными пушистыми волосами, и хотя лица вообще не было видно, по одной форме уха он узнал, что это был настоящий Юй Юньжэнь. В таком случае... эта голая нога, лежавшая у него на бедре, тоже принадлежала Юй Юньжэню?

Изначально Гу Сяошань хотел спихнуть с себя эту ногу. Но, когда он посмотрел на нее теперь, в лучах солнца она показалась ему белой как снег, отчего у людей невольно возникало желание к ней прикоснуться. Однако по необъяснимой причине Гу Сяошань не осмеливался этого сделать.

У него до сих пор кружилась голова, причем он не совсем понимал, это из-за алкоголя, оставшегося в его организме, или еще по какой-то причине. Он чувствовал себя так, будто его мозг заржавел, и теперь мог только медленно обрабатывать его запросы.

Внезапно дверь распахнулась, и в комнату, включив свет, вместе со своей тростью прошествовал старший господин Юй. Свет от лампочек резал глаза, а когда он осветил искусно украшенное вышивкой постельное белье, то нога на теле Гу Сяошаня стала выглядеть еще светлее и чище.

Старший господин Юй драматично вскричал:

- Чем вы здесь занимались?!

Этот крик, казалось бы, привлек внимание Юй Юньтао, который вошел следом и распахнул занавески, позволив солнечному свету затопить комнату. Затем он возмущенно повторил:

- Чем вы здесь занимались?!

Даже если бы Жэньцзы был полным дураком, после такого он бы точно проснулся. Он испуганно сел в постели, и одеяло, соскользнув с его плеч, обнажило верхнюю половину его тела. В ушах у Гу Сяошаня зазвенело, разум отключился, и он подсознательно протянул руки, пряча тело Жэньцзы обратно под одеяло.

Жэньцзы растерялся, а его голова раскалывалась от боли. Не успел он хоть что-нибудь осознать, как его обняли чьи-то руки и завернули в теплое одеяло. Ухватившись за край одеяла, Жэньцзы обернулся. Теплые лучи солнца проникали в комнату через окно, и все лицо Гу Сяошаня оказалось залито нежным солнечным светом, при этом он явно был обнажен. За исключением краешка одеяла, прикрывавшего некое чувствительное место, он оказался по сути в чем мать родила.

- Ух ты... - Жэньцзы переменился в лице, в его голове раздался взрыв, а разум заволокло дымом. И только его широко распахнутые глаза безрассудно изучали тело Гу Сяошаня. - Ух ты, брат Сяошань...

"Ух ты, тело брата Сяошаня так хорошо сложено".

<http://bllate.org/book/14820/1320393>